

ТЕНИЙ русской земли не стал исключением из недоброго правила: "великим людям свойственно иметь презренных врагов". Враги роились вокруг Шолохова всю его жизнь. На самой ее заре, когда он только пробовал свои молодые крылья для могучего полета, над ним черным вороньем закружились авербахи, тшас заклевать, закаркать орленка набирающей в те годы силы русской советской литературы. И обвинили его в том, что он "не пролетарский писатель", что его творчество якобы "противостоит идее социалистической перестройки мира". И приписали ему "сползание на кулацко-белогвардейские позиции", "проповедь кулацкой идеологии" и т. д., и т. п. А всемогущие в то время агенты недвусмысленно намекали молодому гению: "А все-таки, Шолохов, ты контрик". Потом злобной крысиной сворой зашмыгали сочинители клеветнических баек о "плагиате". А на самом закате его трудной жизни, когда он лежал уже смертельно больной, астафьевы, ничуть не стыдясь своего святотательства, разразились чудовищным признанием: "Для меня самым радостным днем моей жизни будет день смерти Шолохова" (из письма Бориса Куликова "Не по ненависти жить", "День", 1993, № 16). И евшушкини, еще вчера распинавшиеся в своей любви и признательности к великому писателю, заразлаглягловали о своей ненависти к Шолохову.

Но то враги. Они презренны и низки. А для низких натур, говорил в свое время Виссарион Белинский, нет ничего приятнее, как мстить за свое ничтожество, бросая грязь своих воззрений и мнений во все великое и святое.

Опаснее другое. Сегодня "друзья" Шолохова, авторы так называемого "нового прочтения Шолохова", "защитники" и "спасители" Шолохова, наподобие трех кубанских светил, мастеров по "новому прочтению Шолохова", учат нас: "Шолохова величали 'советским писателем'. Эта идеяная наклейка неверна. Он вечно русский тысячелетний летописец..."; "И все видят теперь, что он ни за тех, ни за других и ни за какую идеологию, он — за человека..." ("Кубанские новости", 24.5.95).

Стоит только сопоставить эти тирады с авербаховскими ярлыками, и нетрудно будет увидеть, что они одного замеса. Только авербахи ставили им знак минус, а наши специалисты по "новому прочтению Шолохова" ставят им знак плюс.

А стало быть, да здравствует Лев Давидович с его леопольдами? Их дело живет и побеждает? Прозорливые все-таки были люди. Сумели-таки сквозь "большевиков" — это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы, казаки ("Тихий Дон", кн. 3, с. 393) разглядеть, что автор "ни за тех, ни за других, ни за советский", то бишь "не пролетарский" писатель, а "его творчество противостоит идее социалистической перестройки мира"...

Только не будем аплодировать ни авербахам, ни тем более мастерам по "новому прочтению Шолохова". Потому как хотя у последних кафтап вроде бы новый, но дыры в нем старье.

Да, Шолохов — русский писатель. Безусловно, русский! Прежде всего — русский. Но и советский! Хотя бы потому, что без Октября 1917 года, без Советской власти, вне Советской страны Шолохова как великого писателя не было бы. Не зря сокрушаются один из знатоков "нового прочтения": "А в эмиграции никто ничего равного по размаху 'Тихому Дону' за полвека не написал. В Америке на русском кладбище в штате Нью-Джерси, читая фамилии усопших, я горевал: такого романа у них нет! Богатый слой тонкой России в эмиграции не запечатлен так грандиозно. Нескому и поклониться..." ("Кубанские новости", там же). И тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Что факт, то факт! В иных условиях, без Советской власти, выходя из трудового лода, сам труженник, Шолохов не мог бы состояться как гений русской и мировой литературы. Точно так же, как сын крестьянина-бедняка Жук без Октября 1917 года не смог бы состояться как самый талантливейший из полководцев второй мировой, как сын батрака, сам батрак. В. Грaбин не состоялся бы как выдающийся конструктор самых лучших пушек той же второй мировой, как крестьянский отпрыск Иван Пырьев не смог бы стать крупнейшим кинорежиссером современности. Имена можно приводить и приводить. Имена тех, кому Октябрь открыл дорогу к высотам творчества, кому именно советская эпоха позволила, помогла реализовать свою гениальность.

Все они русские. Но все они и советские, рожденные советской действительностью.

Как, кстати, и сами наши "знатоки". Ибо неизвестно, не будь Октября 1917-го, не будь Советской власти, стал бы популярным писателем, скажем, "сын рядового красноармейца", тем более очутился он в каком-нибудь Нью-Джерси.

Что же касается Шолохова, то образно сказал об этом виднейший русский советский писатель А. Калинин: "На чюновском коне своей молодости не вехал, а ворвался в литературу и принес с собой звуки и краски великой революции. Это она подвела коня юному гению к скачке хутора Кружильна. И с тех пор он уже останется верным ей, ее идеям, ее ленинскому знамени" ("Дон", 1985, № 5).

Столь же недвусмысленны и признания самого Шолохова: "Я, житель станции Вешенской на Верхнем Дону, в годы гражданской войны боролся за победу Советской власти. Меня родила, воспитала Советская власть и партия большевиков. Я сын советского народа..." (М. Шолохов. "О советском писателе"). И как бы ни уверяли нас специалисты по "новому прочтению Шолохова", что-де "хотя клялся Михаил Александрович, что 'сердца наши принадлежат партии', но, дескать, 'согрешил он пред историей не больше, чем весь Союз писателей целиком'" ("Кубанские новости", там же), верней все же Шолохов, а не им. Ибо автор "Тихого Дона" не грешил кривдоушем, не был способен на лицемерие. Просто наши любители "нового прочтения" пытаются приспособить Шолохова к нынешним веяниям, тужатся напильник на него свои хламиды, под ширмой "защиты" принизить великого сына русской земли до уровня всякого рода евшушенок и черниченок, "свалить его себе под ноги в липкую и ядовитую грязь, какую они, сотворив, нарекли обдешенной жизнью" (М. Горький). И на этом "фундаменте" воздвигаются над нами, простыми почитателями шолоховского гения, сияющий монументом "новаторов".

И это при том, что еще не так давно, чтобы запомнить, эти "новаторы" охотно соглашались, что "важнейшим аспектом всемирного значения 'Тихого Дона' М. А. Шолохова является высокохудожественное, поистине гениальное изображение Великой Октябрьской социалистической революции и победы Советской власти в годы гражданской войны", что "в романе Шолохова запечатлены раскол в офицерском корпусе и появление в его среде большевиков, интернациональное братание русских с немцами, политическое отмежевание солдат и казаков от царского офицерства, создание большевистских военно-революционных комитетов..., которые вырвали армию из-под офицерско-генеральской власти и двинули ее на свержение монархического режима, затем — против буржуазного Временного правительства и на разгром белогвардейцев и интервентов" ("Кубань", 1981, № 12, с. 79 — 80). Еще вчера они внушали нам: "Шолохов создал такие типы народных борцов, каких не знала ни наша, русская, ни мировая литература. Это — коммунисты Бунчук, Котляров, Штокман, народные герои Подтелков и Кривошльков, трагическая гибель которых потрясла читателей мира" (там же).

Сегодня из их стана нас убеждают, что-де Шолохов "написал роман 'Тихий Дон' о народе, разбившем себя". Ни больше, ни меньше! Сегодня они уверяют нас, что создатель вот тех "типов народных борцов" "ни за тех, ни за других, ни за какую идеологию".

Хотя вряд ли случайно в романе сына Григория Мелехова Мишатку воспитывает для новой жизни большевик Михаил Кошевой, столь непримиримо отнесшийся в один момент к отцу малыша. Что бы ни говорили "новаторы", но невольное рождается мысль, что этим фактом Шолохов как бы подчеркивает гуманизм Октябрьской революции. Не она виновата в народных бедствиях. Автор "Тихого Дона" достаточно ярко раскрыл те силы: кто со стороны красных, а кто со стороны белых, — которые превратили победу людей труда в октябре 1917 г. в народное бедствие. Любители "нового прочтения" уходят от разговора об этих силах, задавшихся целью "в теснейшем контакте с крупнейшими банкирами из-за океана", как писал в своей книге "Моя жизнь" некий Лев Давидович, видный деятель этих сил, "раздавить Россию... превратить ее в груду погребальных обломков" ("Патриот", 1994, № 1). И еще продолжают напевать нам про "никакую идеологию"!

Только в хваленной капуте все же много гнилых кочанов. Если бы в романах Шолохова не было никакой идеологии, то фашиствующие власти Бухареста, Рима, Булапешта и Софии в 1929—1941 гг. не запрещали бы ввоз, перевод и издание шолоховских произведений, а нацисты в Берлине не приказывали бы сжигать их, а в парижких и лондонских при издании "Тихого Дона" не выбрасывались бы упоминания о Ленине, документах, изобличающие кровавые деяния интервентов и красных и т. д., а "Поднятая целина" не обрывалась бы на бабьем бунте (К. Прийма. "Мировое значение творчества М. Шолохова").

И вряд ли Шолохов был "ни за тех, ни за других, ни за какую идеологию", когда писал: "И то, что ростки советской новизны, некоторые образы советских активистов и фигуры классовых врагов из 'Донских рассказов' в дальнейшем переключили в 'Поднятую целину', — явление закономерное. Дело не в 'сходных местах', не в совпадении текстов, а в существе, в идее, которую они несут. 'Поднятая целина' своими корнями уходит в глубь времени 'Донских рассказов'. И если красно-

когда партия еще только вынашивала идеи коллективизации, на Дону и Кубани, на всем Северном Кавказе уже работало 5500 артелей (В. Котляков, "Дон. Кубань. Терек"). Иными словами, коллективизация выросла не из "злой воли" большевиков, а из вековой тяги крестьянства к общему труду, потому как в условиях России, раздробленной в зоне рискованного земледелия, только общий труд на земле и гарантировал ежегодные урожаи.

Другое дело, что, когда, скажем, Сталин призывал "не пороть горячки с быстрыми темпами коллективизации", выученный Льва Давидовича — нарком земледелия Яковлев-Эпштейн рассыла на места грозные циркуляры о "форсированной коллективизации", а выпестованные Троцким местные "вожди", всякие катаевичи, варейкисы, голощекины, эйхе и другие, настроенные на превращение России в груду погребальных обломков, гнали "встречные планы" о завершении сплошной коллективизации любыми способами на два и на три года раньше намеченного срока ("Наш современник", 1989, № 9). И сбигие ими с толку, напеленные тропками на "мировую революцию", искренне, честно, но не сумевшие разобраться в губительности этих "теорий" и "планов" нагульновы ломали дрова с "досрочным выполнением коллективизации". И столь же искренне мечтали о мировой революции...

Шолохов мастерски показал нам и ту, и другую стороны коллективизации. Но при этом подчеркнул величие колхозного труда, дал обильные примеры того, как коллективный труд преобразует человека, раскрывает в нем его таланты, его самые лучшие черты, поднимает человека к вершинам трудового творчества. Достаточно вспомнить того же Кондрата Майданникова, того же Ипполита Шалого или Ваню Найденкова, или Варюху-Горюху...

Но нет, не видят "новаторы" этих людей в "Поднятой целине". Они уверяют нас, что если и есть герои в романе, если и показаны кого Шолохов героями, настоящими людьми, так это Яков Лукуч Островнов и есаул Половцев.

губами отпыры руки и целовал на них вспухшие рубцами жили и рыжую шетину волос.— Под сердце... Бей,— хрипел Яков Алексеевич Максиму, распина Степку на мокрой, росной земле..."

Страшная картина из мира собственности, какую нас зовут сегодня полюбить, над каким наши "новаторы" рисуют нимбы, уверяя, что это их изобразил сам автор "Поднятой целины".

А Шолохов, чтобы облик "свернувшегося гадюкой" Островнова был еще более выпуклым, рассказывает о том, как "культурный хозяин" уморил голодом родную мать...

Наш "новатор" приходит в ужас от картины раскулачивания, его "пробирает морозцем" при описании нелепо растерзанной гусыни. И тут и добавляет нечего. Сцена действительно жутковатая. Дикая сцена!

Но странно, что возмущенный ею "гуманист" почему-то "забывает", славословя "не имевшему батраков" Якову Лукучу, про жуткую картину убийства старой женщины, смерти матери, обреченной родным сыном на такую чудовищную кончину. Его потряс оранжевый глаз мертвой гусыни, "в котором навек замерло удивление и изумленность перед нелепостью человеческих деяний". Но он почему-то "не услышал" заданного, почти немомго вопля матери, умоляющей сына: "Яшенька мой! Сыночек родимый! За что же? Хучь воды-то дай!"...

Одних этих слов умирающей от голода и жажды на глазах сына старой женщины достаточно, чтобы проклясть Островнова. А "новаторы" суют его нам в горло!

Они рисуют "страдальцем" без конца поминающего Христа живою Лашпинову. Но "не слышат" проклятий в адрес этого святоши, какие посылает Лашпинову заезженный им казак Хопров, "не слышат" характеристик, какие дают Лашпинову хуторяне: "Ворованное покупал, людей разорял, процент сымал, сам воровал".

Ну да ничего удивительного в такой позиции "новаторов" нет. Сегодня ведь модно сострадать сытым, а не униженным, а не голодным. В наше "деидеологизированное" время главное — не уметь сытых. Беды людей труда, слезы и страдания труженников, попрание прав человека труда — это мелочь, на которую не стоит обращать внимание.

Потому по "новому прочтению Шолохова" — "могучая фигура Половцева просто монументальна", он "еще честен в средствах и предан своей правде". Оттого писатель "вопреки предписанным правилам социализма не может унизить его небрежением или даже намеком на пристрастность"...

Лихо закручено, что ни говорить. Только деды наши не

Что мы узнаем из "нового прочтения" Шолохова?

Мажорные

армеец Нагульнов похож на Богатырева, Майданников — на Артема из "Духмужней", Яков Лукуч — на Якова Алексеевича из "Червоточины", а Александр — белогвардеец из "Духмужней" таит в себе искры, которые сверкнули в есауле Александре Половцеве, значит, что-то типичное, присущее героям "Донских рассказов" оказалось ценным, учебительным и живучим настолько, что проросло в "Поднятой целине" ("Советский Казахстан", Алма-Ата, 1955, кн. 5).

В одном из своих выступлений Шолохов сказал о "Поднятой целине", что "основным стержнем романа является борьба за первый колхоз". За колхоз, как видим, а не против колхоза, в чем нас пытаются убедить "новаторы", и какую суть навязывают они роману Шолохова (вполне в соответствии с концепцией авербахов и вот тех закоренных редакторов, что урезали "Поднятую целину"). Они "не увидели" Кондрата Майданникова, Павла Любимкина, Ипполита Шалого, Ванюшу Найденкова, других труженников Гремячего, какис, кто сражался, кто с сомнением, колебаниями, но все же бесспорно принял коллективный труд на земле и какие и сегодня держатся его и, собственно, и кормят страну в наши дни развала и разброда. "Новаторы" убеждают нас, что в "Поднятой целине" Шолохов выразил свой взгляд на коллективизацию как на "народное бедствие". И это притом, что взгляд тот писатель высказал устами Кондрата Майданникова: "Вас ВКП шихает на новую жизнь, а вы, как слепой теленок: его к корове под сисью ведут, а он и ногами брыкается, и головой мотает. А телку сисью не сосать — на белом свете не жить".

И правда, наверное, все же в том, что была "насилетвенная коллективизация", особенно там, где ее проводили "борцы" за "превращение России в груду погребальных обломков", но было и, как говорит сам Шолохов, "массовое движение крестьян в колхозы". Ибо идеи коллективного труда на земле жили в крестьянстве давно, когда большевики еще и разговора о нем не вели. Уже перед первой мировой в России насчитывалось около 150 арендных товариществ и земельных артелей ("О земле", вып. 1, 1921, с. 85). Сразу после февраля 1917 г. в Орловской, Новгородской, Смоленской, Ярославской губерниях возникли товарищества по совместной обработке земли. Только за год после Октября в стране образовалось 1500 артелей и коммун. На Кубани хлеборобы хутора Урусов под Краснодаром в апреле 1920 г. организовали артель "Новая жизнь". А к июлю 1920 г. их на Кубани возникло уже 40. Хлеборобы Ейского округа писали в своем обращении к труженникам Кубани: "Настало время строительства нового сельского хозяйства. Единичные мелкие хозяйства объединяются в артели. Плуг одного, борона другого, селка и косилка третьего, лошадь четвертого идут в общем целое хозяйство, которым можно обработать сотни десятин земли. Дела этих коллективов идут успешно потому, что им легче доставать необходимый инвентарь, посевной материал и другие предметы... Каждый же в одиночку ничего не делает"... К 1926 г.,

Что же касается Макара Нагульнова, то, убеждают нас "новаторы", те самые, что только вчера с восторгом причисляли этого шолоховского героя к "нашим близким друзьям или соседям", "живым людям, накрепко и навсегда вошедшим не только в нашу общественную, но и нашу личную жизнь" ("Кубань", 1975, № 4, с. 102), он "просто морально неустойчивый деятель", каких-де "и вербовала система административного социализма для осуществления своих замыслов", "крайний функционер системы — он же и ее жертва" всего лишь. Давыдов же — "ничего не понимающий в сельском труде, этот матрос пробует поставить рекорд на весенней пахоте и в конце концов... падает на землю от головокружения. Не так-то просто оказалось 'поднимать целину' — злораждает автор этой сентенции.

Опять же, как видим, только "пробует" и "падает" — и больше ничего, решит читатель, задумавший изучать шолоховский роман по материалам этого "нового прочтения". О конечной победе Давыдова — ни слова. Более того, его характеристика в газетной статье завершается уничижительными словами Лукучи: "матросский тыфяк" — вот, дескать, как смотрел на Давыдова Шолохов. И словно нет в романе трагической горькой шолоховского режиссера: "Вот и отдели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову...". Дорогими сердцу автора "Поднятой целины", если верить "новаторам", были Яков Лукуч Островнов и есаул Половцев.

Яков Лукуч, "не имея батраков", скорбно вешает один из авторов "нового прочтения", умалчивая при этом, что свою блистательную характеристику этого "культурного хозяина" он дает со слов самого Островнова, "сам возля земли кормился и других возля себя кормил". Но вот — коллективизация. В другом месте можно бы удивиться таким "кормильцем" и начать рисовать нимбы вокруг его головы. Только наш "новатор" опять проявляет "рассеянность" и "забывает" про то, как рисует Якова Лукуча другие хуторяне. Хотя бы про рассказ Давыдова казака Хоранова: "А ты и не знал, что у Островнова всю жизнь в хозяйстве работники были? Были, милый человек, были... Я ипо мальчишкой у него полтора года в работниках жил... Года четыре назад он присмирел, когда налогами стали жать, свернулся в клубок, как гадюка перед прыжком..."

Уже после этих "открытий" как-то тускнеют нимбы над головой "культурного хозяина", хотя у него и висит портрет Ворошилова в хате. А Шолохов для точности характеристики Островнова подбрасывает нам казака Хопрова, которого "кормилец" сосал годами, Антона Грача, чье подворье Яков Лукуч, "не заледив на покосе", попросту сжег.

Наш "новатор", влюбленный в "кормильца", почему-то "упускает", от кого Шолохов велел линию к Островнову — от Якова Алексеевича из "Червоточины", того самого, что из-за сбегавших домой быков забывает до смерти родного сына: "Степка бился под отцом, выгибаясь дугою, искал

по такому ли поводу ворчали: густо кашлиць — святых зачидишь?

Это ведь "монументальный" Половцев в романе проламывает топором голову казку Хопрову, а потом разириает рот жене Хопрова, душит беззащитную женщину. А вернувшись после этой "работы" мясника-живодера домой к Островнову, взял кружку взвару, "попили...", достал разваренную грину, зачавкал, пошел, дымя штаркой, поглаживая по-бабы голую, пухловатую грудь...". Словно волк, только что сытно потропавшийся раздоранным ягненокм.

И это "честный в средствах", "преданный своей правде" Половцев после своего ареста выдает на допросах всех своих сподвижников и командиров, "по памяти перечислил всех, кто входил в его организацию в Гремячем Логу и окрестных хуторах".

Такая вот, стало быть, "монументальность". Вот с кого, согласно канонам "нового прочтения", следует "делать жизнь" нынешним ученикам.

Впрочем, есть еще одна "монументальная фигура", равной какой, учат нас любители "нового прочтения", по своей духовности и нравственной красоте (выделено мной.— А. С.) в нашей литературе нет.

Речь идет о Лукуче Нагульновой. У нас, оказывается, было о ней "упрощенное представление". Оно "сразу же рассеивается, ...и образ приобретает искомую глубину, как только мы узнаем, что она покинула навсегда хутор... И с нею вместе ушла навсегда жизнь из Гремячего Лога. Осталась одна видимость, фальшь" (КН, там же).

Можно бы и восхититься таким "новым прочтением" образа этой героини из "Поднятой целины". Только сомнение берет в одной малости: а почему это сам автор романа почитал нужным завершить разговор о Лукуче не совсем привлекательной картиной из рассказа Андрея Разметнова: "Знаете, кого я встретил на улице в Шахтах? ...Лукуча Нагульнову! Идет этакая толстая бабаха, рядом с ней — лысоватый толстенький мужичина... Глянул я на нее — и потерялся. То ли она, то ли не она. Морда толстая, глазки заплыли. И обнимать налю уже тремя руками... Повернули они и пошли. Обе толстые, вилать, довольные собой..."

Ей-ей, потрясает такая "искомая глубина". Тем более что "другого подобного образа современной женщины в нашей литературе нет" (там же). Нетрудно понять, почему "ушла жизнь из Гремячего"...

Словом, такое вот "новое прочтение Шолохова". Только если в него вглядеться, то это тот самый новый кафтап со старыми дырами или старая погудка на новый лад.

Авербахи в свое время отталкивали Шолохова от революции и Советской власти как "не пролетарского писателя" как "попучника".

Авторы "нового прочтения" проделывают сегодня ту же "операцию": оттаскивают русского гения от дела, какому он отдал всю свою великую жизнь, весь свой талант — от революции, от партии, от Советской власти, от советского народа, чьим сыном считал себя сам Шолохов. Под ширмой "никакой идеологии" Шолохова в наши дни пытаются приспособить к "новой идеологии" современных полвцевых и островновых, тьнут его к "высокопарной России" от людей труда, каких один из "новаторов", "сын рядового красноармейца", глумливо называет "немтыгами и нечесаными 'хозяевами новой жизни'" ("Литературная Россия", 1991, № 46). Это о своем отце, рядовом красноармейце. Это о героях первых лет Советской власти. Это о тех, кто отстоял Россию от желающих превратить ее в груду погребальных обломков и поднял страну от сохи к космическим высотам.

Оно и понятно: сегодня ведь модно святыми России ставить на службу мазепам. За примерами далеко ходить не надо. Уже ведь заставили Маршала Победы, хоть и отлитого в бронзе, стоять под власковским трехцветьем. А в новых изданиях его воспоминаний Жукова уже принуждают "писать" прямо противоположное тому, что он говорил и писал при жизни ("Армия", 1991, № 15, с. 64).

Теперь и Шолохова тьнут туда же. И уже готовят к изданию "настоящую" рукопись "Они сражались за Родину". И можно представить, каким будет "настоящее содержание" романа. Наверняка в духе "нового прочтения Шолохова"...

Что ж, мудрый француз прав: великим людям свойственно иметь презренных врагов.

Но авербахам все же не удалось в те далекие годы свершить свое черное дело — оторвать великого сына земли русской от народа, от революции, от Советской власти.

А "друзьями"? Вот тем самым "авторам нового прочтения"? Удается ли им исполнить замыслы авербахов? Не про них ли сказано: при таких друзьях и врагов не надо?..

Я обращаюсь к писателям, прежде всего к писателям Дона, к тем, кто действительно знал Шолохова, к таким, как Анатолий Калинин и Петр Лебедев: согласимся с "новым прочтением Шолохова"? Отдадим великого русского советского писателя современным авербахам?

Алексей СИЧЕВОЙ.

P.S. Гонорар прошу передать в фонд "Советской России".

Константин КОВАЛЕВ

Как будто канув в сон кошмарный,
Попа в мужие времена,
В нью-йоркской лавке антикварной
Легат России ордена.
Легат медали. Знак нетленный
Здесь в ранг товара низведен,
Он здесь — медяк обыкновенный,
Хоть в доллары и оценен.
В музее быть бы им — не в лавке,
В честь тех, кто выиграл войну,
Но изымают на прилавке,
Как победители в плену.
Безлобный, маленький, вертячий
Американец похлой
Стоял над нашей бранной славой,
Поруганно, но живой.
Он жадно трогал их руками,
Сжимал, как доллары, в горсти,
Стучался в надиши очками
И их просил перевести.
Хозяин лавки, мил, изыскан,
Советский бывший одесит,
Ему на ломаном английском
Азы истории твердит.
Он долог вел полштбеседу,
Одесский бывший спекулянт,
И наконец ему победу
Принес ораторский талант:
Хихикая и торжествуя

ОРДЕНА

И потирая ордена,
Войну вторую мировую
С трудом припомнил старина.
Ну что ему бой-сраженья
На теле родины чужой?
Ведь он, как зверь, из окруженья
Не выбрался под Москвой,
Контужен не был он снарядом,
Не шел на танки напролом,
Не умирал под Сталинградом,

Чтобы воскреснуть под Орлом...
Он покупает, не ряится,
Победу нашу и беду,
Взял "Знамя Красное" за тридцать,
За двадцать — "Красную Звезду".
Он по пятнадцать взял медали,
Как портнографню берет...
За них ведь люди погибли,
А нелюди их продают!..
Но продавец, простой детина,
Не слышит крик беззачинный мой,
Торгует "Взятием Берлина",
"Отечественною войной".
Какие цены-то наградам!..
За эту "Красную Звезду"
Отец мой полз под Ленинградом
По собственной кровей на льду.
На этот орден, помимо, наду
Смотреть мне только разрешал,
Чтоб я эмаль не поцарапал
Или чего не отломал...
И я гляжу, простодетина,
На проданные ордена
Так, словно я раскрыл измену
И оптом продана страна,
Как будто кто-то там, в России,
Пробравшись с заднего крыльца,
Снял эти ордена живые
С мундира моего отца.